

ПОНЯТИЕ «НАРОД» В КАДЕТСКОЙ ПАРТИЙНОЙ РИТОРИКЕ

Ф. А. Гайда^{1, 2}

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Россия, Москва, Ломоносовский просп., 27, корп. 4

Поступила в редакцию 22.11.2019 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-6

Проанализированы представления сторонников Конституционно-демократической партии о понятии «народ». Этот вопрос имеет принципиальное значение при анализе кадетской идеологии. «Народ» выступал для кадетской партии основной политической ценностью. Автор соотносит это понятие с такими значимыми для партии терминами, как «общество», «нация», «народность». Рассматриваются отношения «народа» с властью, государством, кадетской партией, представительством, человечеством. Исследуется эволюция понимания кадетами «народа» в связи с определенными социальными процессами, развитием политического кризиса, революциями 1905 – 1907 и 1917 годов. Автор приходит к выводу, что с началом революционного периода кадеты отказались от консервативной по своему происхождению триады «власть – общество – народ» и заменили ее на демократическую по природе дихотомию «власть – народ». «Народ» включил в себя образованную общественность и был противопоставлен «власти». В новом значении «народ» рассматривался как «третье сословие», будущая гражданская нация, призванная к конструированию политического строя, который основан на идее народного суверенитета. В этом смысле кадетская идеология являлась революционной, предполагала разрыв со «старым порядком». «Народ» не считался уникальным целым и понимался как составная часть человечества, развивающаяся вместе с ним по общим законам. Сторонники кадетской партии рассматривали ее как силу, представляющую и формулирующую интересы всего «народа». Наличие кадетов в Государственной думе превращало ее в народное представительство, хотя в подлинном смысле таковым могло быть лишь Учредительное собрание, созданное на основе всеобщего избирательного права. Широкая демократизация в ходе Февральской революции соответствовала кадетскому понятию о народном суверенитете. При этом кадеты не имели идейных оснований противостать дальнейшей радикализации революции.

Ключевые слова: народ, кадетская партия, Февральская революция 1917 года, Временное правительство.

1. Рождение кадетского «народа»

Уже в силу самого наименования Конституционно-демократической партии избиратель должен был понимать, что она выступала за конституционное закрепление власти народа. Соответственно, кадетское понимание «народа» имеет принципиальное значение при анализе кадетской идеологии, однако ранее этот вопрос в историографии не

рассматривался. Обращаясь к кадетскому пониманию «народа», необходимо соотнести его с рядом других значимых для партии терминов — таких как «общество», «нация», «народность». Представители партии рассматривали «народ» в контексте его отношений с властью, государством, партией, представительством, человечеством. Партийное понимание «народа» эволюционировало под влиянием идейной трансформации самих кадетов, в связи с определенными социальными процессами, развитием в России политического кризиса, революционными катаклизмами.

Кадетская партия формировалась в условиях активно деградировавшего сословного строя. Будущие представители партии воспитывались на оппозиционных идеях, в обстоятельствах нарастающей разобщенности власти и образованной общественности (Гайда, 2015). Член ЦК партии А. В. Тыркова-Вильямс так вспоминала о политике самодержавия 1880–1890-х годов: «Власть подводила под общее понятие неблагонадежности всех, кто позволял себе слишком откровенно высказываться о народных нуждах или критиковать правительство» (Тыркова-Вильямс, 1998, с. 240). Кадет кн. В. А. Оболенский вспоминал, что его поколение не шло в чиновники, несмотря на высокий спрос на образованных людей в государственном аппарате. Оболенский отмечал:

Мы рассуждали так: власть правительства враждебна народу. Поэтому всякий чиновник, находящийся на государственной службе, хотя бы и общепользуемой, в конечном счете приносит вред народу уже тем, что усиливает правительственную власть. Кроме того, мы видели перед собой целый ряд примеров того, как люди самых левых убеждений, поступив на государственную службу, постепенно привыкали к компромиссам и теряли свой оппозиционный пыл (Оболенский, 1988, с. 102).

Кадетские представления о «народе» имели народническое происхождение (Селезнев, 2006, с. 18–36). Вторым (предвыборным, 1906 года) названием партии стало «Партия народной свободы», возникшее как аллюзия на легендарную «Народную волю». *Народ* как идеальная категория оставался главной идеологической ценностью партии. При этом социалистическая идея «права всех» дополнялась либеральной идеей «права каждого» (основной партийный лозунг — «За нашу и вашу свободу!»).

Будучи носителем либерально-демократических и социально-либеральных идей, партия в своей программе опиралась на идею всенародного суверенитета. В кадетской риторике, в отличие от народнической, уже произошло демократическое отождествление понятий «народ» и «общество», рассматриваемых в бессловном ключе. Консервативная по своему характеру триада «власть — общество — народ» к 1905 году сменилась радикальной дихотомией «власть — народ». В знаменитой записке «Ближайшие задачи земства» (1879, опубл. 1883) И. И. Петрункевич, имевший репутацию «партийной совести», пользовался еще преимущественно старой терминологией, разделяя «народ» и «общество». Характеризуя перемены в правительственной политике и настроениях образованных классов в 1870-е годы, он писал:

Русское общество, не привыкшее к бодрости мысли, охотно пошло назад к тому положению опеки, из которого оно только что, казалось, вышло. Началась перекройка на старый лад новых реформ, и среди общества не нашлось желания противодействовать этому. Получив все новое сверху, общество, естественно, не дорожило подачкою. Поэтому интеллигентное русское общество было немало удивлено, когда узнало в начале 70-х годов о движении молодежи в народ (Петрункевич, 1993, с. 453).

Из следующей цитаты хорошо видно, что понятие «народ» могло использоваться и в расширительном смысле, однако неизменно требовало соответствующих эпитетов. Петрункевич критиковал поведение земских собраний и городских дум, выступавших за ужесточение репрессий:

Отцы, у которых ежедневно вырывают детей для медленной и ужасной казни, просят новых казней над своими же детьми... Таково содержание большинства адресов. Какое печальное явление! Но что печальнее всего, так это то, что выразителями таких чувств *русского народа* явились его общественные органы — Земства и Городские Думы. Известно, что как первое, так и последние заключают в себе достаточно интеллигентных лиц, которые, будучи близко поставлены к общественным делам, основательно знают положение *народа* и его нужды (Петрункевич, 1993, с. 453—454. Курсив мой. — Ф. Г.).

«Русский народ» и просто «народ» — разные понятия для Петрункевича. В отношении «народа» использовалось и иное понятие: публицист также рассуждал о «массе населения», в отношении которой необходимо ввести льготы в сферах налогообложения и образования. При этом можно (хотя и очень условно) говорить и о расширительной трактовке понятия «общество»: «общественные дела» касаются не только «общества», но всего «русского народа». Кроме того, Петрункевич цитировал адрес полтавского земства, где говорилось о «врагах правительства и общества», а также «совокупных силах правительства и общества». Применительно к «русскому народу» публицист использовал термин «граждане». Брошюра заканчивалась патетической фразой, в которой выражалась надежда на то, что «все силы *русского народа* дружно соединятся, чтобы завоевать себе свободу, и тогда обновленная Россия по праву займет место среди *цивилизованных народов*» (Петрункевич, 1993, с. 456. Курсив мой. — Ф. Г.).

Те же нюансы в употреблении слова «народ» были характерны и для некоторых единомышленников Петрункевича два десятилетия спустя. Кн. П. Д. Долгоруков в докладе «Конституционная партия в предстоящий год» на съезде группы «освобожденцев» 20—22 июля 1903 года противопоставлял «народ» и «интеллигенцию», но одновременно в том же тексте формулировал следующий пункт программы: «12) Царь остается во главе управления, но народ сам, через своих представителей, принимает участие в составлении законов и в обложении податями и контролирует, чтобы законы правильно исполнялись и казенные деньги правильно расходовались» (Либеральное движение, 2001, с. 37).

Влияние либерального и марксистского социологизма было очевидно в сборнике «Проблемы идеализма» (1902), ставшем философическим обоснованием оппозиционной радикально-либеральной программы. На страницах этого издания понятие «общество» фактически вытесняло термин «народ», который рассматривался как принадлежавший народнической риторике (в контексте противопоставления «народа» и «интеллигенции»). Можно привести две цитаты из статьи Н. А. Бердяева, близкого к кадетской партии. В первой он включает в состав «общества» угнетенный класс: «В конкретной исторической обстановке борьба за “естественное право” человека принимает форму борьбы за угнетенных и эксплуатируемых. В современном, например, обществе она получает форму борьбы за права трудящихся масс» (Проблемы идеализма, 2018, с. 145). При этом в будущем свободном обществе мыслитель отводил место и элитарным группам: «Я думаю, что духовная аристократия возможна и в демократическом обществе, хотя в нем она не будет иметь ничего общего с социально-политическим угнетением» (Там же, с. 155).

П. Б. Струве в программной статье «От русских конституционалистов» в первом номере журнала «Освобождение» (июнь 1902) написал: «Все общество требует от власти в один голос — серьезной политической реформы, и “Освобождение” рассматривает себя как орган этого единогласного настойчивого общественного мнения. <...> Мы желаем выражать исключительно бессословное общественное мнение и на него опираться» (Российские либералы, 1996, с. 26. Курсив автора). «Общество» в старом смысле слова уже упоминалось как «образованное русское общество» или «русская интеллигенция» (Там же, с. 26, 28, 32, 34). В написанном Струве памфлете «Народ и война» (октябрь 1904), адресованном простонародью, наоборот, вместо «общества» в широком его понимании присутствовал именно «народ» (Российские либералы, 1996, с. 79–82). Новая тенденция проявилась и в постановлениях ноябрьского земского съезда (1904), поддержавшего программу «Освобождения». «Правительство» и «государственная власть» противопоставлялось «обществу», «населению», «народу», «гражданам Российской империи», причем эти понятия выступали как синонимы (Российские либералы, 1996, с. 49–51; пункты 1–4, 6, 7, 11).

Революционная эпоха сделала понятие «народ» в кадетской риторике приоритетным по сравнению с «обществом». Оформившаяся в октябре 1905 — январе 1906 года программа Конституционно-демократической партии оперировала равнозначными понятиями «народ», «граждане» и «население» (Российские либералы, 1996, с. 51–55; пункты 1, 11, 24, 30). Таким образом, окончательно отвергалась, по словам Н. А. Гредескула, «мысль о *народе*, но не о народе как о нации, и тем не менее как о нации, организованной в государство, а о народе — как о социальном члене *внутри* нации или *внутри* государства, о народе как подчиненной массе — в противоположность господствующим классам общества» (Вехи, 1991, с. 231. Курсив автора). Простонародье именовалось в партийной программе «народными массами» (Российские либералы, 1996, с. 55; пункт 32).

Вместо сословного разделения вводилось политическое и, точнее, революционное разделение «народа» на активный и пассивный. На пике Первой русской революции в конце 1905 года П. Н. Милуков писал:

В промежутке между правительством и его органами с одной стороны и активными борющимися группами с другой лежит обширная область общественных элементов более или менее пассивных. В острые политические моменты, подобные настоящему, от настроения этой средней, обыкновенно молчащей массы, зависит необыкновенно много. Иногда от этого настроения зависит все, и стоит этому настроению резко выразиться, чтобы, как по волшебству, переменились политические декорации очередного момента (Милуков, 1907, с. 166).

2. Суверенитет народа

«Народ» в рамках такого подхода рассматривался как будущая гражданская нация, «третье сословие», призванное к конструированию нового политического строя. «Партия создавалась, чтобы бороться *против самодержавия*. <...> В своей собственной среде <конституционно>-д<емократическая> партия *революционной идеологии* не исключала», — вспоминал В. А. Маклаков (Маклаков, 1936, с. 483. Курсив автора). Большинство партийцев полностью разделяло «крылатую фразу Тьера», которую приводил в своих мемуарах Маклаков: «Монархия будет демократической по целям, конституционной по форме, или ее вовсе не будет» (Маклаков, 1936, с. 521). Идеология кадетов была принципиально революционной, предполагавшей кардинальную смену политического строя, несмотря на отношение к революции как инструменту — возможному, но не необходимому. По результатам революционных событий 1905 года Милуков заключал:

Мы хорошо понимаем и вполне признаем верховное право революции как фактора, создающего грядущее право в открытой борьбе с историческим правом отжившего уже ныне политического строя. <...> Да, мы за революцию, поскольку она служит целям политического освобождения и социальной реформы; но мы против тех, кто объявляет революцию «непрерывной», потому что полагаем, что непрерывная революция — революция во что бы то ни стало — служит лишь целям реакции и укрепляет контрреволюционные замыслы правительства (Милуков, 1907, с. 165, 168).

В разгар политического кризиса лета 1915 года кн. Д. И. Шаховской на заседании ЦК сформулировал основное кадетское требование по отношению к власти: «Министерство должно народу подчиниться и исполнять его волю». Маклаков ответил: «Подчиниться народу это только фраза. Убирайтесь вон — это встать на революционный путь» (Протоколы ЦК, 1998, с. 130).

Победившая революция превращала весь «народ» в активно действующее лицо. В присяге члена Временного правительства, составленной кадетом Ф. Ф. Кокошкиным и утвержденной 11 марта 1917 года самим правительством, отмечалось:

По долгу члена Временного правительства, волею *народа* по почину Государственной думы возникшего, обязуюсь и клянусь перед Всемогущим Богом и своею совестью служить верою и правдою *народу* Державы Российской, свято оберегая его свободу и права, честь и достоинство и нерушимо соблюдая во всех действиях и распоряжениях моих начала гражданской свободы и гражданского равенства и всеми предоставленными мерами мне подавляя всякие попытки прямо или косвенно направленные на восстановление старого строя. Клянусь приложить все разумение мое и все мои силы для осуществления в полноте всех обязательств, Временным правительством *всенародно* на себя принятых. Клянусь принять все меры для созыва в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительного собрания, передать в руки его полноту власти, мною совместно с другими членами правительства осуществляемую, и преклониться перед выражением сим собранием *народною* волею об образе правления и основных законах Российского государства (Государственный архив Российской Федерации, ф. 1779, оп. 1, д. 6, л. 40–40 а. Курсив мой. — Ф. Г.).

Таким образом, «народ» отождествлялся с его активной частью, осуществившей Февральскую революцию. Среди «народа», в соответствии с подобным видением, не могло быть противников революции или сторонников «старого строя». Несмотря на формальную неопределенность «образа правления», запрещалась монархическая пропаганда.

Имея в виду происходящие изменения в понимании «народа» и, по-видимому, желая избежать терминологической путаницы, П. Б. Струве еще в 1905 году в статье «Революция» попытался ввести в отношении народа-общества понятие «нация»: «Народ подобен еще тягучему раствору, в который должна быть брошена какая-то твердая крупинка для того, чтобы эта бесформенная масса превратилась в упругий и сверкающий кристалл нации» (Российские либералы, 1996, с. 86). Позднее, в статье «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества» (1908), он писал: «Национальная идея современной России есть примирение между властью и проснувшимся к самосознанию и самодеятельности народом, который становится нацией. Государство и нация должны органически срастись» (Российские либералы, 1996, с. 150). «Государство», таким образом, все же мыслилось вне «нации». Однако в партийной риторике слишком буржуазное понятие «нация» не укрепилось и применялось преимущественно во внешнеполитическом контексте при обсуждении «национальных задач» (Милюков, 1916, с. 36). Еще в 1901 году Милюков, объясняя разницу между «национальным» и «общественным» самосознанием народа, отмечал:

В народном сознании, по закону контраста, запечатлевалось преимущественно то, что составляло особенность, отличие данной национальности от соседних, и этот *национализм* переносился из области внешней политики в область внутренней. Однако дальнейшие усовершенствования в процессе выработки общественной мысли должны были привести рано или поздно к изменению содержания «народного самосознания». Из «*национального*» оно должно было сделаться «*общественным*» — в смысле большего внимания к внутренней политике, лучшего понимания требований современности в этой области и более активного отношения к этим требованиям.

Таким образом, только что отмеченные два оттенка в содержании «народного самосознания» знаменуют собою в то же время два последовательных момента в развитии этого самого содержания. <...> Простая справка с современным народным самосознанием наиболее развитых стран Европы покажет, что хранителями национального самосознания являются группы, программа которых имеет целью сохранение остатков прошлого, тогда как выразителями общественного самосознания становятся другие группы, занятые преимущественно устройством лучшего будущего. ...«Национальное самосознание» представляется с характером более или менее традиционным, тогда как «общественное самосознание» имеет характер по преимуществу реформаторский (Миллюков, 1901, с. 2–3).

3. Народ и партия

Понятие «народ» («русский народ») рассматривалось как политическое, вне этнического («племенного», «национального») контекста. Этности именовались «национальностями» или «народностями» (Российские либералы, 1996, с. 51, 53; Программа Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), пункты 1, 11). «Народ» не воспринимался как уникальное целое, его развитие подчинялось естественным законам развития всего человечества (Миллюков, 1901, с. 1–12). «В противоположность прежним толкованиям необходимо настойчиво подчеркивать, что “национальность” есть понятие не естественно-историческое и не антропогеографическое — а чисто социологическое», — отмечал Миллюков (Миллюков, 1901, с. 5). Поэтому от «народа» требовались правильные решения, соответствующие этим законам. Но «народ» мог и ошибаться, действуя вопреки своим подлинным интересам; в своем наличном выражении он не являлся идеалом и критерием истины. Правильные решения должны были подготовить передовые люди страны. Будущие кадеты мыслили еще вполне по-народнически. Кн. Д. И. Шаховской в записке «Что нам делать и как нам жить?» (1886) писал: «Простой народ не всегда сознает, что хорошо. Но до сих пор еще жизнь его построена на началах, противоположных началам рационализма и индивидуализма. Но с каждым днем к нему эти два начала все больше проникают, и если не найдутся люди, которые сознательно и словом, и делом укажут ему истину — он погибнет» (Шаховской, 2002, с. 212). В «Ближайших задачах земства» Петрункевич считал земство возможным «выразителем желаний и стремлений русского народа», но органам самоуправления еще только предстояло завоевать народное доверие путем борьбы за экономические реформы и против бюрократического произвола. Предлагалось сперва поменять состав земств, потом выдвинуть демократическую программу, получить поддержку народа и добиться созыва Учредительного собрания (Петрункевич, 1993, с. 455–456). Несмотря на способность ошибаться, «народ» при помощи его лучших людей должен был осознать свои подлинные интересы. П. Н. Миллюков полагал, что «народ сам поручит дело своей реформы людям, которым он верит» (Миллюков, 1907, с. 78).

Критикуя в 1902 году народническую мысль, Б. А. Кистяковский писал:

...вполне своеобразную окраску принял вопрос о значении личного начала и о роли личности в социальном процессе в применении к общественному развитию России, вылившись в вопрос об отношении интеллигенции к народу. Этот последний вопрос распадается для г. Михайловского и примыкающих к нему русских социологов на две составные части: с одной стороны, русские социологи считают нужным доказывать, что русская интеллигенция могла принять только тот характер, который ей свойствен, с другой — они настаивают на том, что единственно возможным материалом для деятельности ее, а вместе с тем и единственно возможным материалом для конкретного построения ее идеала является народ (Проблемы идеализма, 2018, с. 388).

Михайловский, как известно, выступал за первое. Из неприемлемости буржуазного развития для интеллигенции народнический публицист выводил возможность небуржуазного развития страны. Сторонники противоположного мнения считали, что буржуазное развитие неприемлемо для самого народа. Однако Кистяковский отвергал оба суждения. Он противопоставлял оппозиции «возможное — невозможное» другую: «необходимое — долженствующее»: «Мы добиваемся осуществления наших идеалов не потому, что они возможны, а потому, что осуществлять их повелительно требует от нас и от всех окружающих нас сознанный нами долг» (Проблемы идеализма, 2018, с. 450). Считая капиталистическое развитие неизбежным, кадеты все же полагали, что человечество обязательно пройдет эту фазу своего развития и построит более справедливое общество.

Как уже отмечалось, необходимы были политические усилия, чтобы «бесформенная масса» превращалась в «упругий и сверкающий кристалл нации». Выразителем народного суверенитета должно было стать Всероссийское учредительное собрание. Учрежденная монархом цензовая Государственная дума рассматривалась кадетами как «народное представительство» лишь условно. Оценивая избирательное законодательство 1905—1906 годов, Милюков заключал: «Мы критикуем избирательный закон правительства, потому что считаем, что собранные на основании его представители не могут быть достаточно авторитетны в глазах страны» (Милюков, 1907, с. 83). Тем не менее, заявляя с думской трибуны о связи «народа» и «народных представителей», Милюков отмечал: «В нас он видит первых законных исполнителей своей воли. И он посылает теперь нас сюда... сказать власти всю правду о стране, узнать для страны всю правду о власти и сделать то, что осталось ею незавершенным» (Государственная дума, 1915, стб. 92). Дума без кадетов для Милюкова, безусловно, не могла бы претендовать на подобное осуществление народной воли. Основным требованием созданного при непосредственном участии кадетов в августе 1915 года Прогрессивного блока стала, как отмечалось в его программе, «власть, опирающаяся на народное доверие» (Российские либералы, 1996, с. 76). Хотя лозунг и не предполагал создания ответственного перед парламентом кабинета, основным мерилom подобного «доверия» становилась

Государственная дума. Критикуя правительство в период «штурма власти» рубежа 1916–1917 годов, Миллюков подводил итог: «Увы, гг., мы перед прежними маленькими, чужими народу людьми. В их среде по-прежнему нет никого, кого бы народ знал и кому бы он верил» (Государственная дума, 1916, стб. 347).

Сама кадетская партия осознавала себя уникальной в России «все-народной» партией, лучшей частью «народа», носителем и интерпретатором единственно верных идей. Отвечая на адресованный кадетам упрек социал-демократов «С народом мы или с правительством?», Миллюков замечал: «Да, мы с народом — но мы отвергаем претензии тех, кто один хочет говорить от имени народа и ограничивает понятие народа книжным понятием “сознательного пролетариата”» (Миллюков, 1907, с. 168). Правильно, по мнению кадетов, понимая народные интересы, партия не только выражала, но и формулировала их. Ведущий публицист «Русской мысли» кадет А. С. Изгоев писал: «Казалось бы, все организации к.-д. разгромлены. Партия... осуждена почти на полную бездеятельность и чуть ли не на разложение. <...> Лучшие силы ее тем или иным способом в большей их части изъяты с политической арены. Словом, разгром полный. И все же политическая борьба наших дней и по сию пору вертится главным образом вокруг кадетов. Объясняется это, конечно, тем, что они ярче всего выразили столь сильную в русском обществе и народе жажду закона, жажду правового порядка» (Изгоев, 1911, с. 2–3). Предлагая на заседании ЦК в июне 1915 года проект общенациональной обороны, кн. Шаховской задавал риторический вопрос: «Какие силы в стране могут дать почин народной организации? Наша партия. Направо и налево — нет силы» (Протоколы ЦК, 1998, с. 109). На VI съезде партии в феврале 1916 года Тыркова прямо заявляла: «Без кадетской партии наша страна была бы похожа на Турцию: направо и налево от нас еще неорганизованный хаос» (Съезды, 2000, с. 287).

4. Народ и революция

Февральская революция привела к созданию правительства, в котором наиболее полно была представлена именно кадетская партия. Широкая демократизация полностью соответствовала партийной программе. Однако у кадетов не оказалось никакого иммунитета от наступающей анархии. Кадетская газета «Речь» отмечала, что сила правительства «прежде всего моральная». Партийный рупор объяснял народу новой власти: «Действительна она лишь постольку, поскольку опирается не на “войска, милицию и суд”, а на организованное общественное мнение страны, на организованную народную волю. Каждый обыватель — частичка этого народа. И первый его долг сейчас — участвуя в организации общественного мнения и народной воли, помогать организации власти» (Речь, 1917, 13 апр., с. 1). Кадет М. Л. Мандельштам в те же дни писал:

Отныне правительство — это народ, революция — это порядок, власть — это мы все. <...> Понять это нетрудно. Но трудно нам, привыкшим всю жизнь быть в оппозиции и в революции... проникнуться до глубины души

сознанием совершенно чуждого для нас психологического уклада. <...> Легко далась народу власть и свобода; но трудно будет ее организовать и удержать... <...> Постараемся провести народное дело свободы между Сциллой и Харибдой; между призраком реакции и призраком анархии (Русские ведомости, 1917, 7 марта, с. 1).

С началом Апрельского кризиса новым правительством была опубликована декларация, в которой говорилось:

Призванное к жизни великим народным движением, Временное правительство признает себя исполнителем и хранителем народной воли. В основу государственного управления оно полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе. С тех пор, как Временное правительство стоит у власти, оно ни разу не отступило от этих начал. Ни одной капли народной крови не пролито по его вине, ни для одного течения общественной мысли им не создано насильственной преграды. <...> К сожалению и к великой опасности для свободы рост новых социальных связей, скрепляющих страну, отстает от процесса распада, вызванного крушением старого государственного строя... (Вестник, 1917, 26 апр., с. 1).

У революционной власти оставался только один путь: изменяться в соответствии с изменявшимися народными настроениями, эволюционировать влево, пока это было возможно, — и сдать вахту, когда это стало нереально.

Представители кадетской партии разработали законодательство о выборах в Учредительное собрание, однако затем партия полностью проиграла на них эсерам и большевикам. После разгона собрания в январе 1918 года кадеты признали его несоответствующим задачам развития России и посчитали необходимым созыв нового «при более подходящих обстоятельствах» (Протоколы, 1998, с. 414–415). Иными словами, партия так и не отказалась от представлений, сформулированных за сорок лет до того в «Ближайших задачах земства». «Свободы сеятель пустынный, я вышел рано, до зари...» — эти пушкинские слова, высеченные на могиле И. И. Петрункевича (Петрункевич, 1993, с. 9), могли бы украсить и братскую могилу всей кадетской партии. Но народный выбор, как известно, был осуществлен вне процедуры Учредительного собрания, иными способами. В предисловии к «Истории второй русской революции», написанном в конце 1920 года, Миллюков констатировал:

Революционный процесс вышел более стихийным и менее сознательным, чем хотелось бы непосредственным деятелям революционной эпохи. Если роль вождей в событиях оказывается менее активной, то зато должно быть сильно исправлено и расхожее представление о пассивной роли инертной массы. Масса русского населения, казалось, действительно только *терпела*. В первой главе мы указали на причины этой пассивности, заложенные в нашем прошлом. Но, обозревая теперь весь процесс в его разных фазах, мы начинаем приходить к выводу, что терпение масс все же не было вполне пассивным. Массы принимали от революции то, что соответствовало их желаниям, но тотчас же противопоставляли железную стену пассивного сопротивления, как только начинали подозревать, что события

клонятся не в сторону их интересов. Отойдя на известное расстояние от событий, мы только теперь начинаем разбирать, пока еще в неясных очертаниях, что в этом поведении масс, инертных, невежественных, забытых, сказалась коллективная народная мудрость. Пусть Россия разорена, отброшена из двадцатого столетия в семнадцатое, пусть разрушены промышленность, торговля, городская жизнь, высшая и средняя культура. Когда мы будем подводить актив и пассив громадного переворота, через который мы проходим, мы, весьма вероятно, увидим то же, что показало изучение Великой французской революции. Разрушились целые классы, оборвалась традиция культурного слоя, но народ перешел в новую жизнь, обогащенный запасом нового опыта и решивший для себя бесповоротно свой главный жизненный вопрос: вопрос о земле. Если из мрака небытия, в котором мы погребены под обломками великих руин, нам удастся зафиксировать эту светлую точку вдаль, то это соображение поможет излечить самый упорный пессимизм и, быть может, внушить отчаявшимся и тонущим, каких теперь так много, желание жить дальше, чтобы работать для родного народа на новом пути, избранном им самим (Милуков, 1921, с. 6–7. Курсив автора).

Признавая частные ошибки вождей «народа», Милуков тем не менее не отказывался от метафизической правоты партийной программы. Иными словами, по мнению бывшего кадетского лидера, «народ» продолжал реализацию этой программы без помощи самих кадетов. В последние годы жизни подобные мысли привели Павла Николаевича к признанию общей правоты сталинской политики, развивавшей в народе образование и гражданскую сознательность (Милуков, 1998, с. 597). Это подтверждало теорию Милукова о непреложности законов общественного развития.

Таким образом, для кадетской партии «народ» выступал основной политической ценностью. Под ним понималось все население России, включая образованную общественность. Подобный смысл этого понятия был новым, созревшим в революционных условиях 1905 года, и уже не предполагал традиционного противопоставления «народа» и «общества». «Народ» противопоставлялся исключительно «власти» и рассматривался как будущая гражданская нация. Призванием «народа» становилось конструирование нового политического строя, основанного на принципе народного суверенитета. Кадеты исходили из представления о едином линейном развитии человечества, вследствие чего никакой «народ» не обладал какими-то значимыми уникальными чертами и развивался в одном направлении с другими. Кадетская партия воспринималась ее членами как подлинное олицетворение общенародных интересов. Наличие кадетов в цензовой Государственной думе оправдывало ее существование в качестве народного представительства. Полноценным представительством могло выступать лишь Учредительное собрание, созданное на основе всеобщего избирательного права. Создание Временного правительства в виде народной власти, как и широкая демократизация 1917 года, соответствовали кадетской программе. Однако партийная идеология и практика не предполагали никаких возможностей противостоять революционной радикализации «народа».

Работа поддержана из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

Список литературы

- Вехи*; Интеллигенция в России : сб. ст. 1909–1910 / сост., коммент. Н. Казаковой. М., 1991.
- Гайда Ф. А.* «Если бы только учителя наши больше говорили о России...». Юношеские годы будущих кадетских лидеров // *Родина*. 2015. №2. С. 100–102.
- Государственная дума*. Созыв IV. Сессия IV. Стенографические отчеты. Ч. 1. Пг., 1915.
- Государственная дума*. Созыв IV. Сессия V. Стенографические отчеты. Ч. 1. Пг., 1916.
- Изгоев А.* Политическая жизнь России // *Русская мысль*. 1911. №4. III паг. С. 2–6.
- Либеральное движение в России*. 1902–1905 гг. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2001.
- Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Париж, 1936.
- Милоков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1901. Т. 3, вып. 1.
- Милоков П. Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907.
- Милоков П. Н.* Цели войны // Ежегодник газеты «Речь» на 1916 год. Пг., 1916. С. 29–128.
- Милоков П. Н.* История второй русской революции. София, 1921. Т. 1, вып. 1.
- Милоков П. Н.* Правда о большевизме // Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940 : сб. докум. в двух книгах. М., 1998. Кн. 2.
- Оболенский В. А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988.
- Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля // Архив русской революции / под ред. И. В. Гессена. М., 1993. Т. 21–22.
- Проблемы идеализма [1902]* / 2-е критическое изд., испр. ; под ред. М. А. Колерова. М., 2018.
- Протоколы ЦК и зарубежных групп конституционно-демократической партии* : в 6 т. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 1998. Т. 3.
- Российские либералы: кадеты и октябристы* : документы, воспоминания, публицистика / сост. Д. Б. Павлов, В. В. Шелохаев. М., 1996.
- Селезнев Ф. А.* Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2006.
- Съезды и конференции конституционно-демократической партии* : в 3 т. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2000. Т. 3, кн. 1.
- Тыркова-Вильямс А. В.* То, чего больше не будет. М., 1998.
- Шаховской Д. И.* Избранные статьи и письма. 1881–1895. М., 2002.

Об авторе

Федор Александрович Гайда, доктор исторических наук, доцент, профессор-консультант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: fyodorgayda@gmail.com

Для цитирования:

Гайда Ф. А. Понятие «народ» в кадетской партийной риторике // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2020. Т. 11, №3. С. 85–98. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-6.

THE CONCEPT "PEOPLE" IN THE CADET PARTY RHETORIC

F. A. Gayda^{1, 2}

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

² Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosov Av., Moscow, 119192, Russia
Submitted on November 22, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-6

The article considers the interpretation of the concept "people" by the Constitutional Democratic Party supporters. This concept is of fundamental importance for the analysis of Cadet ideology. The concept "people" was of great political value for the Cadet party. The author correlates this concept with such notions relevant for the Party as society, nation, and nationality. The author examines the relations of "people" with the authorities, the state, the Cadet Party, the Parliament, and humanity. Special attention is paid to the evolution of cadets' understanding of the concept "people" in connection with social processes, the development of the political crisis and revolutions of 1905–1907 and 1917. The author holds that already at the beginning of the revolutionary period, the Cadets substituted the triad "authority – society – people", which was conservative in origin by the dichotomy "power – people", which was democratic in nature. The "people" included the educated public and was opposed to the "authorities". In its new meaning, "people" was seen as the "third class", the future civil nation, called to construct a political system based on the idea of popular sovereignty. In this sense, the Cadet ideology was revolutionary and implied a break from the Ancien régime. The "people" were not considered as some unique whole but rather as an integral part of humanity, developing together with it according to universal laws. The Cadet Party was considered by its supporters as a force representing the interests of the entire "people." Cadet faction in the State Duma turned it into a popular representation. Although only the Constituent Assembly convened on the basis of universal suffrage can be considered to be a truly democratic representation. Broad democratization during the February Revolution corresponded to the Cadet concept of people sovereignty. Moreover, the Cadets had no ideological grounds to oppose the further radicalization of the revolution.

Keywords: people, Cadet Party, February Revolution of 1917, Provisional Government.

References

Kazakova, N., ed., 1991. *Vekhi; Intelligentsiya v Rossii: Sb. st. 1909–1910* [Milestones; The intelligentsia in Russia: Collection of articles 1909–1910]. Moscow (in Russ.).

Gayda, F. A., 2015. "If only our teachers spoke more about Russia..." The youthful years of future cadet leaders]. *Rodina* [Homeland], 2, pp. 100–102 (in Russ.).

The State Duma, 1915. *Gosudarstvennaya дума. Sozvyo IV. Sessiya IV. Stenograficheskie otchety*. [The State Duma. Convocation IV. Session IV. Shorthand reports]. Vol. 1. Petrograd (in Russ.).

The State Duma, 1916. *Gosudarstvennaya дума. Sozvyo IV. Sessiya V. Stenograficheskie otchety*. [The State Duma. Convocation IV. Session V. Shorthand reports]. Vol. 1. Petrograd (in Russ.).

Izgoev, A., 1911. Political life of Russia. *Russkaya mys'* [Russian thought], 4 (3), pp. 2–6 (in Russ.).

Shelokhaev, V. V., ed., 2001. *Liberal'noe dvizhenie v Rossii. 1902–1905 gg.* [The liberal movement in Russia. 1902–1905]. Moscow (in Russ.).

Maklakov, V.A., 1936. *Vlast' i obshchestvennost' na zakate staroi Rossii (vospominaniya sovremennika)* [Power and the public at sunset of old Russia (contemporary memories)]. Paris (in Russ.).

Milyukov, P.N., 1901. *Ocherki po istorii russkoi kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]. Vol. 3 (1). St. Petersburg (in Russ.).

Milyukov, P.N., 1907. *God bor'by. Publitsisticheskaya khronika. 1905 – 1906* [Year of struggle. Journalistic chronicle. 1905 – 1906]. St. Petersburg (in Russ.).

Milyukov, P.N., 1916. The objectives of the war. *Ezhegodnik gazety «Rech'» na 1916 god* [Yearbook of the Rech newspaper for 1916], pp. 29 – 128 (in Russ.).

Milyukov, P.N., 1921. *Istoriya vtoroi russkoi revolyutsii* [The history of the second Russian revolution]. Vol. 1 (1). Sofia (in Russ.).

Obolenskii, V.A., 1988. *Moya zhizn', moi sovremenniki* [My life, my contemporaries]. Paris (in Russ.).

Petrunkovich, I.I. Iz zapisok obshchestvennogo deyatelya [From the memoirs of the public figure]. In: Gessen, I.V., ed., 1993. *Arkhiv russkoi revolyutsii* [Archive of the Russian revolution]. Vol. 11 (21). Moscow (in Russ.).

Kolerov, M.A., ed., 2018. *Problemy idealizma (1902)* [The problems of idealism (1902)]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Shelokhaev, V.V., ed., 1998. *Protokoly TsK i zagranichnykh grupp konstitutsionno-demokraticheskoi partii. V 6 t.* [Protocols of the Central Committee and foreign groups of the Constitutional democratic party. In 6 volumes]. Vol. 3. Moscow (in Russ.).

Pavlov, D.B. and Shelokhaev, V.V., ed., 1996. *Rossiiskie liberaly: kadety i oktyabristy: Dokumenty, vospominaniya, publitsistika* [Russian Liberals: Cadets and Octobrists: Documents, Memoirs, Journalism]. Moscow (in Russ.).

Seleznev, F.A., 2006. *Konstitutsionnye demokraty i burzhuaziya (1905 – 1917 gg.)* [Constitutional democrats and the bourgeoisie (1905 – 1917)]. Nizhny Novgorod (in Russ.).

Shelokhaev, V.V., ed., 2000. *S'ezdy i konferentsii konstitutsionno-demokraticheskoi partii. V 3 t.* [Congresses and conferences of the Constitutional democratic party. In 3 volumes]. Vol. 3 (1). Moscow (in Russ.).

Tyrkova-Williams, A.V., 1998. *To, chego bol'she ne budet* [That which will no longer be]. Moscow (in Russ.).

Shakhovskoi, D.I., 2002. *Izbrannye stat'i i pis'ma. 1881 – 1895* [Selected articles and letters. 1881 – 1895]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Fyodor A. Gayda, Associate Professor; Consulting Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: fyodorgayda@gmail.com

To cite this article:

Gayda, F.A. 2020, The concept “people” in the Cadet Party rhetoric, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 11, no. 3, p. 85 – 98. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-6.